

Новая риторика Х. Перельмана
и приемы риторической аргументации
в работах А. Пуанкаре *

Ю. В. Шатин^{1,2}, И. В. Силантьев¹

¹ ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СО РАН

² НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Аннотация. Рассматриваются предпосылки создания неориторической теории брюссельской школы. Авторы исходят из предпосылки, что учение, созданное Х. Перельманом и его учениками, не было одномоментным актом, но стало результатом смены научной и философской парадигмы первой половины XX в. Несмотря на то что явление персуазивности как основного ядра теории аргументации не было известно ученым, в своих трудах они активно пропагандировали идеи, связанные с ролью интуиции в познании научных истин, широко используя приемы аналогии, и метафоры, заимствованные из естественных языков. В качестве основного действующего лица в статье выступает А. Пуанкаре, известный физик, один из создателей специальной теории относительности и популяризатор науки, вошедший в историю ее становления как активный борец с логоцентризмом.

Ключевые слова: неориторика, персуазивность, логоцентризм, интуитивизм, аналогия, метафора.

УДК 80/81

DOI 10.25205/2307-1737-2019-2-392-401

Контактная информация:

Шатин Юрий Васильевич, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия, shatin08@gambler.ru); профессор кафедры русской и зарубежной литера-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-01376 (18-00-00760).

Шатин Ю. В., Силантьев И. В. Новая риторика Х. Перельмана и приемы риторической аргументации в работах А. Пуанкаре // Критика и семиотика. 2019. № 2. С. 392–401.

туры, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Виллюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия)

Силантьев Игорь Витальевич, доктор филологических наук, директор Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия, silantev@philology.nsc.ru)

Язык есть риторика, ибо он хочет передавать лишь мнение (*doxa*), а не знание (*episteme*).

Ф. Ницше

Сопоставление двух имен, вынесенных в заглавие, может показаться, на первый взгляд, нелогичным и парадоксальным как в хронологическом, так и в тематическом отношении. Известный французский математик и естествоиспытатель умер менее чем через два месяца после рождения Перельмана, и в работах создателя новой риторики имя Пуанкаре встречается только один раз. Тем не менее существует несколько оснований для сравнения этих фигур. Революционный поворот в риторике, вызванный трудами Брюссельской школы, а также последующими разработками С. Тулмина, О. Дюкро, Ф. Емерена и др., не мог возникнуть на пустом месте, но явился реализацией установок плеяды различных философов (Ф. Ницше, А. Бергсон, М. Хайдеггер, Э. Кассирер¹), а также поисками языка популяризации научных знаний, которыми пользовались крупнейшие физики, биологи и представители других точных наук. В этом контексте заметное место занимают книги и статьи А. Пуанкаре, значимые не только своим научным содержанием, но и приемами языка и риторической аргументации, которые продемонстрировал ученый.

Вот почему мы обратимся к основным идеям новой риторики Перельмана, с тем чтобы сопоставить их с реальной практикой трудов Пуанкаре. Как известно, центральным пунктом трудов Перельмана является учение о персуазивности, в основе которой лежит не строгое доказательство истины, но убеждение аудитории в релевантности излагаемых положений. «Для человека недостаточно говорить или писать, он должен быть также услышанным или прочитанным. Не имеет принципиального значения ни внимание слушателей, ни количество слушателей, чтобы признать говорение определенным условием, в определенном собрании людей, в определенной компетенции собравшихся»² [Perelman, Olbrechts-Tyteca, 1971, p. 17] Таким образом, риторический акт не является ни объективным, пригодным для трансляции достоверных событий, ни субъективным, целиком поглощенным внутренним миром говорящего. Всякий риторический акт – интерсубъективен. Любой оратор в процессе публичного говорения реализует одновременно две задачи: транслирует определенные убеждения и конструирует аудиторию, способную принять эти убеждения.

¹ О связи полемики Э. Кассирера и М. Хайдеггера с идеями новой риторики см.: [Бенгстон, Розенгрэн, 2019].

² Здесь и далее перевод наш.

Традиционная триада Аристотеля «оратор – речь – аудитория» получает в риторике Перельмана новую интерпретацию. Излагая не истину, но мнение, оратор создает язык, способный стимулировать интеракцию получателя сообщения, аргумент в этом случае получает статус коммуникативного события, т. е. становится речевой конструкцией, направленной на изменение и/или подкрепление мнения реципиента, а аудитория оказывается гипотетическим и теоретическим конструктом, обеспечивающим коммуникацию.

Комментаторы работ Перельмана справедливо выделяют три компонента персуазивности: «а) интенциональность как направленность сознания на объекты действительного или воображаемого миров... б) интенциональность как соотнесенность интенциональных состояний к определенным фрагментам концептуальной системы носителя интенциональных состояний»; в) индексальность как зависимость содержания интерпретации от определенной концептуальной системы [Анненкова, 2012, с. 8]. Благодаря указанным компонентам всякое риторическое высказывание оказывается феноменологическим (в смысле Гуссерля), поскольку в отличие от формально-логического доказательства допускает изменение под влиянием времени и эволюции языка. Кант, вероятно, был первым, кто осознал, какую угрозу для традиционной риторики представляют временные и языковые изменения. В «Критике способности суждения» он писал: «Образцы вкуса в области поэзии и риторики должны быть составлены на мертвом и ученом языке, на мертвом – для того, чтобы не подвергаться изменениям, которым неизбежно подвержены языки... на ученом языке – для того, чтобы этот язык имел грамматику, которая не подчинена прихотливым изменениям моды, а сохраняет свои неизменные правила» [Кант, 1966, с. 236]. Кардинальный отказ от условий, названных Кантом, и означал наделение риторики иным статусом, невозможным для ее классического периода.

Основным пафосом теории Перельмана становится разработка теории аргументации как опосредованного логикой и риторикой звена. В первую очередь такая разработка означала отказ от панлогизма, характерного для аргументации прошлого этапа. Было осознано «ограничение собственного предмета исследования, ведь всё, что математика игнорирует, является чуждым для нее. Полученную таким путем теорию доказательств (demonstration) логики обязаны были дополнить теорией аргументации» [Perelman, Olbrechts-Tyteca, 1971, p. 22].

Смещение акцента с логики на теорию аргументации, в свою очередь, обострило интерес к резервам естественного языка, а затем и к средствам риторики. Теперь аргументация понимается как «речевой акт, состоящий из ряда высказываний, которые предназначены для того, чтобы убедить рационального судью в правильности определенной точки зрения, приемлемости или неприемлемости этого выраженного мнения» [Емерен, Гроотендорт, 1994, с. 24]. Расширение сферы аргументации приводит к тому, что в нее включается «вся совокупность высказываний, имеющих целью внушение, либо убеждение, каковы бы ни были аудитория, которой они адресованы, и предметы высказываний. Эта теория во многом сформулировала проблематику и систему исследований французского структурализма» [Анненкова, 2012, с. 10].

Особое место в трудах Брюссельской школы отводилось риторической технике аргументов, в частности изучению связей, которые обосновывают структуру убеждения посредством апелляции к частному случаю. Х. Перельман разделил все частные случаи на три вида: пример, иллюстрацию и образец в зависимости

от функций каждого в процессе аргументации. «В качестве примера частный случай делает возможным обобщение, в качестве иллюстрации он может подтвердить уже установленное правило, в качестве образца – побудить к подражанию» [Perelman, Olbrechts-Tyteca, 1971, p. 350].

В зависимости от того, используем мы пример или иллюстрацию, мы меняем статус исходного правила аргументации. «В то время как пример призван обосновывать правило, назначение иллюстрации – укрепить убеждение слушающего в правильности уже известного» [Ibid., p. 357]. Так, сюжет «Анны Карениной» строится как серия примеров, подтверждающих энтимему относительно того, что каждая несчастная семья несчастна по-своему. Напротив, в рассказе «После бала» Толстой пользуется иллюстрацией для доказательства тезиса, что один случай может радикально изменить судьбу героя.

Наконец, существенным вкладом в установление связей между теорией аргументации и риторикой становится в теории Перельмана учение о метафоре и аналогии. Метафора и аналогия перестают здесь выполнять роль сравнения, как это трактуется традиционной стилистикой, но выступают как значимые опоры творческой мысли. «Подобно звену в индуктивном рассуждении, аналогия представляет собой этап в научном исследовании, являясь скорее средством открытия, чем средством доказательства: если аналогия удачна, то тема и фора преобразуются в примеры или иллюстрации более общего закона, по отношению к которому их предметные области унифицируются. Такая унификация приводит к включению в один и тот же класс отношения, объединяющего члены форы, и отношения, объединяющего члены темы, каковые становятся относительно этого класса взаимозаменяемыми, вся асимметрия между темой и форой таким образом исчезает» [Ibid., p. 396]. Примечательность этого рассуждения заключается прежде всего в том, что в аналогии исчезает противопоставленность фигуры мысли и языкового тропа. Аналогия одновременно выступает как способ доказательства и как механизм, обуславливающий творческое развитие мысли. Перельман приводит знаменитое высказывание Хардинга, согласно которому, если бы первые исследователи электричества не назвали его «током», то форма научного исследования могла бы стать совершенно иной.

Таким образом, развертывание аналогии, согласно принятым конвенциям и правилам, представляет собой и процесс исследования, и процесс аргументации одновременно. В этом случае в отношении творчества аналогия может развертываться сколь угодно долго, но в отношении убеждающей силы ее рамки оказываются ограниченными той аудиторией, к которой они адресуются.

Столь же важным для категориального аппарата неориторки оказывается определение статуса метафоры как аргументативного средства в научном тексте. «Нам представляется неудовлетворительной любая концепция метафоры, не проливающая свет на ее роль в процессе аргументации... В настоящий момент наиболее удачным, на наш взгляд, способом описания метафоры является понимание ее как своего рода сгущенной аналогии – результата смещения элементов форы с элементами темы» [Ibid., p. 399]. В качестве сгущенной аналогии метафоры могут омертвевать или, напротив, оживать. «Самое банальное клише может вновь ожить, если какая-нибудь деталь в тексте вызовет у читателя фору данного метафорического выражения. “У великих людей и у рядовых одни и те же несчастья, одни и те же размолвки, одни и те же страсти, но первые находятся в крае колеса, а вторые у его центра, и, таким образом, их меньше затрагивает его вращение.”

Как видим, оживление метафорического выражения не обязательно присутствует в тексте в эксплицитном виде: «колесо фортуны» лежит здесь всего лишь в подтексте» [Perelman, Olbrechts-Tyteca, 1971, p. 406].

Метафоре как ключевому способу выражения мысли и знания посвящена большая литература (см., в частности, обстоятельные обзоры в книгах: [Лагута, 2003; Мишанкина, 2010]; см. также базисные работы по теории метафоры Э. Кассирера, П. Рикёра, Дж. Сёрля, Р. Якобсона и др. в книге: [Теория метафоры, 1990]). О метафоре нередко стереотипно говорят как о свернутом сравнении. В общем виде познавательно и коммуникативно продуктивное, или, иначе, информативное сравнение двух объектов предполагает их относительное подобие. Полное подобие не ведет к образованию продуктивного сравнения, равным образом в плане сравнения непродуктивно и полное расподобие. На языковом уровне эти два крайних случая именуются тавтологией (этот топор – как топор) и абсурдом (этот топор – как тоннель). Структура значения знака, в том числе слова естественного языка, как правило, предполагает наличие некоего семантического ядра, или совокупности основных, ядерных, семантических признаков – собственно, сем, как их называют в семасиологии, и периферии, или второстепенных, конкретизирующих сем. Так, в структуре значения слова «топор» можно выделить ядерную сему «инструмент» и второстепенные семы «для рубки и стесывания дерева», «железный», «как правило, острый», «тяжелый», «с деревянной ручкой (топорищем)». В рамках операции сравнения относительное подобие устанавливается на уровне частных, второстепенных сем: «топор – как нож» (подобие по признаку «острый»), или «топор – как гиря» (подобие по признаку «тяжелый»). В максимальной степени информативны сравнения объектов, обозначаемых знаками с далеко отстоящими друг от друга в общем семантическом поле ядерными семами. Например: «Этот матрос держится на воде как топор». В данном примере ядерная сема слова «матрос» («человек») и ядерная сема слова «топор» («инструмент») несводимы друг к другу и относятся к различным классам, и, соответственно, к разным семантическим парадигмам. Но это и позволяет наиболее информативно раскрыть через сравнение признак абсолютного неумения плавать, присущий персонажу нашего примера. Именно такие сравнения служат материалом для образования метафор: «Этот матрос держится на воде топором». Что произошло в итоге данной трансформации? Мы убрали сравнительный союз «как» и срастили оба члена сравнения в единую семантико-синтаксическую конструкцию, в данном случае – глагол с управляемым существительным. При этом произошло и своего рода сращение значений данных слов – значение главного, управляющего слова, в нашем случае глагола «держаться», обогатилось дополнительными уточняющими семами слова «топор». Приведем другой пример метафорических трансформаций: «У этой девушки волосы желтые и блестящие как золото» – «У этой девушки золотые волосы», или, еще глубже: «Золото волос этой девушки». Ключевая роль метафоры и заключается в семантическом обогащении и приращении наших чувственных, в том числе образных, знаний об окружающем мире и нас самих.

В функциональном отношении можно говорить о научных метафорах двух типов – концептуальных (онтологических) и дискурсивных (метафорах выражения). Понятие концептуальной метафоры было разработано Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [1987; 2004]. Концептуальная метафора лежит в основе категориальной системы научной дисциплины и, как правило, выражена в форме научного терми-

на. Однако язык науки опирается на метафору не только в плане концептуального конструирования и терминологизирования системы понятий и категорий. Метафора необходима науке собственно для выражения мысли, для хода рассуждений. Такую метафору – метафору выражения мысли – называют дискурсивной метафорой.

Актуальной выступает мысль о метафоре, высказанная Ю. С. Степановым: «Метафора – фундаментальное свойство языка, не менее фундаментальное, чем, например, оппозиция элементов языка. Посредством метафоры говорящий (следовательно, всякий человек) последовательно вычлняет из мира, определяемого координатами “я – здесь – сейчас” – из тесного круга, прилегающего к его телу и совпадающего с моментом его речи, другие миры» [Степанов, 1998. С. 385]). В этой идее важна формула «круга, прилегающего к его телу и совпадающего с моментом его речи» – она помогает нам понять телесно-бытовой и, в целом, вещный характер научной метафоры.

В целом метафора в языке науки выполняет функцию конституирования и выражения (представления) элементов нового знания, однако в различных научных дисциплинах в семантическом плане организована по-разному. По нашим наблюдениям, математическая метафора антропоцентрична, физическая – природоцентрична, медико-биологическая – социоцентрична [Силантьев, 2018].

Переворот, совершенный школой Перельмана в риторике и теории аргументации, можно рассматривать в двух противоположных векторах – проспективном и ретроспективном. О перспективах риторики в постбрюссельский период мы будем говорить в следующих статьях, сейчас же имеет смысл оглянуться назад, чтобы понять, что эта теория возникла не на пустом месте, но имела вполне отчетливые предпосылки. В качестве иллюстрации мы выбрали фрагменты работ французского физика и математика Анри Пуанкаре. Причин такого выбора было несколько. Помимо высокого научного авторитета ученого, апелляция к взглядам которого не может вызвать возражений, существенными моментами являются, во-первых, тот факт, что выступления Пуанкаре оказались в центре дискуссий о соотношении логики и интуиции в научном исследовании; во-вторых, сам стиль этих выступлений оказался не совсем бесстрастным, но включил широкий спектр приемов риторической аргументации и экспрессивных стилистических средств; наконец, в-третьих, Пуанкаре в своих трудах не ограничивался приемами доказательного дискурса, но включал разные формы убеждения, свойственные критической дискуссии. Указанные обстоятельства делают интересным обращение к данным работам и их роли для дальнейшего развития риторической теории.

Важнейшей частью рассуждений Пуанкаре становится различие логики и интуиции. В работе «Ценность науки» ученый исходит из тезиса, что «логика и интуиция играют каждая свою необходимую роль. Обе они неизбежны. Логика, которая одна может дать достоверность, есть орудие доказательства, интуиция есть орудие изобретения» [Пуанкаре, 1983. С. 167.]

Характерно, что связующим звеном логики и интуиции для Пуанкаре, как позже и для Перельмана, выступает аналогия. «Мы видим, что аналитики – не просто искусные мастера силлогизмов, вроде схоластов. С другой стороны, можно ли поверить тому, что они всегда шли шаг за шагом, не имея перед своими взорами той цели, которую они хотели достигнуть? Им нужно было угадывать дорогу, которая привела бы их к этой цели, они нуждались в путеводителе. Этот путеводитель – прежде всего аналогия» [Там же, с. 168]. На двойственную функ-

цию аналогии в процессе исследования укажет и Перельман. «Развитие аналогии во всех областях есть явление нормальное в той мере, в какой в этом есть необходимость, и пока к этому не возникает никаких препятствий. Как совершенно справедливо замечает Ридарс, аналогия никогда не бывает завершенной, мы можем ее использовать столько, сколько нужно, правда, с риском, что в какой-то момент она станет несостоятельной и распадется. Именно на этапе развертывания аналогии ее творческая функция отделяется от доказательной, ибо если при вынесении аналогии на первый план ничто не мешает развивать ее сколь угодно долго... то с точки зрения своей доказательной силы аналогия не может выходить за определенные рамки без риска для доказательства, которое ею желают подкрепить» [Perelman, Olbrechts-Tyteca, 1971, p. 386].

Как известно, Перельман впервые разграничил понятие аудитории на два противоположных типа – универсальную и частную, или конкретную. В первом случае оратор, развертывая аргументацию, пользуется универсальными способами доказательства, формируя позицию «рационального судьи», т. е. «всякого рационального человека, некоего абстрактно рассуждающего слушателя, Бога, наконец» [Ibid., p. 393]. Во втором случае он использует контекстуальную аргументацию, приемлемую для данной конкретной аудитории. Если в конкретной речевой практике оратор явным или неявным образом конструирует аудиторию здесь и сейчас, исходя из тождества и различия указанных принципов, то в письменных текстах, дистанцированных от читателя, он всякий раз вынужден априори отдавать предпочтение одному из них, возможно, в ущерб другому. Работы Пуанкаре обнаруживают присутствие обеих аргументативных тактик. Так, например, в работе «Ценность науки» можно наблюдать тактику, ориентированную на универсальную аудиторию, тогда как в «Науке и методе» с ее яркой полемичностью мы находим изобилие контекстуальной аргументации, ориентированной на потенциальных единомышленников.

Напомним, что в первое десятилетие XX в. в среде философов обострился интерес к давнему противоборству двух точек зрения – Лейбница, который считал, что все математические науки можно воплотить в некоем универсальном логическом континууме, и Канта, который допускал существование синтетических априорных суждений, они могут доказываться путем обращения к наглядным представлениям, связанным с априорными формами чувственности. Первые публикации трудов Б. Рассела, позже включенные в фундаментальный труд «Principia Mathematica», подвигли исследователей (Кутюр, Пеано и др.) к попыткам создания «чистой» математики на принципах логоцентризма.

Несогласие с идеями логоцентризма и борьба с ними – одна из важнейших составляющих наследия Пуанкаре после 1908 г. Не вдаваясь в содержательные моменты этой полемики, мы хотели бы сосредоточиться на проблеме использования резервов естественного языка и его риторических возможностей, которыми пользовался Пуанкаре. В первом приближении легко заметить обилие метафор и аналогий в трудах французского ученого. Так, во введении к третьей главе, сопоставив точку зрения оппонентов, исследователь замечает: «Некоторые из доказательств уже несколько раз возрождались из пепла, наподобие той лернейской гидры, у которой выростали новые головы. Геркулес выпутался из затруднения, потому что его гидра имела девять голов, если не одиннадцать, но здесь слишком много голов: они имеются в Англии, в Германии, в Италии, во Франции, и Геркулес должен был бы отказаться от состязания. Я обращаюсь поэтому только

к непредубежденным людям, обладающим здравым смыслом» [Пуанкаре, 1983, с. 239]. Обращаясь к специфическому виду контекстуальной аргументации – апелляции к здравому смыслу, Пуанкаре развертывает метафорическое клише, вызывая у читателя, как бы сказал Перельман, фору данного выражения.

В работе «Наука и метод» Пуанкаре ведет атаку на логический позитивизм в двух направлениях, используя как аргументы *ad hoc*, так и посылки *ad hominem*. С точки зрения аргументов по существу, считает исследователь, в трудах противников присутствуют выводы, исходящие из посылок, которые сами требуют доказательств. «Когда я читал труды, посвященные этой проблеме (речь идет об определении трансфинитного числа. – Ю. Ш., И. С.), я всегда испытывал чувство беспокойства; я ожидал, что натолкнусь на *petitio principii*, и если не встречал этой логической ошибки с самого начала, то всегда опасался, что просмотрел ее... В дальнейшем я остановлюсь только на тех определениях, в которых *petition principii* наиболее искусно скрыт» [Пуанкаре, 1983, с. 375–376].

Лишь после того как найденных примеров *petition principii* оказывается достаточно для доказательности своей точки зрения, Пуанкаре использует аргументы «к человеку», основанные всё на тех же аналогии и метафоре. «Логистика заставляет нас сказать всё то, что обыкновенно подразумевается; она заставляет нас двигать шаг за шагом; это, быть может, делает движение более верным, но не более быстрым. Вы даете нам не крылья, но детские помочи. Но тогда мы имеем право требовать, чтобы эти помочи не давали нам падать. В такой помощи – единственное их оправдание. Если ценное имущество не приносит крупных доходов, то нужно, по крайней мере, чтобы оно было в надежных руках» [Там же, с. 390].

Серия аргументов *ad hoc* выступает у французского исследователя как фигуры, а аргументы *ad hominem* становятся фоном, на котором развертывается повествование. Этот фон оказывается необходимым и достаточным для создания нового принципа коммуникации с аудиторией, которая, предваряя неориторическую традицию, уже не пассивное собрание слушателей и читателей, но объект моделирования создателем сообщений. Недаром «Х. Перельман различает логическую и риторическую модели аудитории. Логической он называет тип модели, ориентированный на говорящего, риторической – частный тип, ориентированный на получение информации (речи)» [Анненкова, 2012, с. 9].

Различение, сделанное Перельманом, было бы невозможным без обращения к трансцендентальному учению о методе, как оно изложено во второй главе «Критики чистого разума». Комментируя кантовское разграничение убедительности и достоверности, создатель неориторики заметил: «...если достоверность базируется на истине предмета, то она является истиной для всякого мыслящего существа, поэтому достоверность может быть доказана, а убедительность имеет не более чем индивидуальную значимость... Различие, которое мы предположили между достоверностью и убедительностью, выражает косвенную связь, которая устанавливается, хотя и не всегда без должной четкости, между убеждением и действием, с одной стороны, и достоверностью и умом, с другой» [Perelman, Olbrechts-Tyteca, 1971, p. 28].

Здесь-то и возникает значимая точка пересечения между новой риторической теорией Перельмана и предваряющей ее риторической практикой Пуанкаре. Такой точкой становится трансцендентальный метод Канта. В третьей главе работы «Наука и метод» Пуанкаре приводит один эпизод, связанный с речью Кутюра

на кантовском юбилее (1904), который «высказался так убедительно, что мой сосед сказал в полголоса: “мы ясно видим, что истекло столетие со дня смерти Канта”. Можем ли мы подписаться под этим решительным приговором? Я этого не думаю и постараюсь ниже показать, почему я этого не думаю [Пуанкаре, 1983, с. 370]. Убедительности Кутюра Пуанкаре противопоставил свой вариант убедительности, включающий контекстуальную аргументацию и широкое апеллирование к чувствам аудитории. Сопрягая принцип объективности с понятием общезначимости, Пуанкаре достиг успеха у современной ему аудитории.

Критически комментируя феноменальный риторический успех работ Пуанкаре, марксистские философы заявили, что «широкие круги читателей, далеких от научной деятельности, весьма избирательно воспринимали из знаменитых книг Пуанкаре именно критическую сторону его высказываний, всячески преувеличивая, гиперболизируя присутствующий в них мотив сомнения... Толпе непосвященных нравилось видеть в выдающемся представителе естествознания вождя интеллектуального нигилизма, разрушителя всяких ценностей, созданных человеческим разумом [Панов и др., 1983, с. 539]. Для нас в этом прецеденте важно другое: не вдаваясь в естественнонаучное содержание дискуссии, следует отметить, что Пуанкаре создал новый тип скептической аудитории, проложив маршрут от кантовской трансцендентальности к риторическому нигилизму Ницше и, сам того не подозревая, открыв дверь новой риторической теории Перельмана.

Список литературы

- Анненкова И. В.* Место риторики в зарубежной и отечественной филологии // Филология: научные исследования. 2012. № 2.
- Бенгстон Э., Розенгрэн М.* Философско-антропологический подход в риторике. Случай Кассирера // Философия и культура. 2019. № 1. С. 27–41.
- Еемерен Ф. ван, Гроотендорст.* Речевые акты в аргументированных структурах. СПб., 1994.
- Кант И.* Критика способности суждения // Кант И. Соч.: В 6 т. М., 1966. Т. 5.
- Лагута О. Н.* Метафорология: теоретические аспекты. Новосибирск, 2003. Ч. 1–2.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
- Лакофф Д., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
- Мишанкина Н. А.* Метафора в науке: парадокс или норма? Томск, 2010.
- Панов М. И., Тяпкин А. А., Шибанов А. С.* Анри Пуанкаре и наука начала XX века // Пуанкаре А. О науке. М., 1983.
- Пуанкаре А.* О науке. М., 1983.
- Силантьев И. В.* Сюжет и смысл. М., 2018.
- Степанов Ю. С.* Язык и метод. К современной философии языка. М., 1998.
- Теория метафоры. М., 1990.
- Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L.* The New Rhetoric. A Treatise on Argumentation. London, 1971.

Article metadata

Title: The New Rhetoric of Ch. Perelman and the Method Ways of Rhetoric Argumentation in H. Poincaré Works

Authors: Yu. V. Shatin, I. V. Silantev

Author's e-mail: shatin08@rambler.ru; silantev@philology.nsc.ru

Author's affiliation: Institute of Philology SB RAS; Novosibirsk State Pedagogical University

Abstract. The article discusses the prerequisites for the creation of a neo-rhetorical theory of the Brussels school. The authors proceed from the premise that the doctrine created by Ch. Perelman was not a one-step act, but was the result of a change in the scientific and philosophical paradigm of the first half of the twentieth century. Despite the fact that persuasiveness as the main core of the theory of argumentation was not known to scientists, in their writings they actively promoted ideas related to the role of intuition in learning scientific truths, widely using analogy techniques and metaphors borrowed from natural languages. The main actor in the article is H. Poincaré, a famous physicist, one of the creators of the special theory of relativity, and a popularizer of science, who went down in history of its formation as an active fighter with logocentrism.

Key terms: neo-rhetoric, persuasiveness, logocentrism, intuitivism, analogy, metaphor.

Reference literature (in transliteration):

Annenkova I. V. Mesto ritoriki v zarubezhnoj i otechestvennoj filologii. *Filologiya: nauchnye issledovaniya*, 2012, no. 2. (in Russ.)

Bengtson E., Rosengren M. Filosofsko-antropologicheskij podhod v ritorike. Sluchaj Kassirera. *Filosofiya i kul'tura*, 2019, no. 1, p. 27–41. (in Russ.)

Eemeren F. van, Grootendorst. Rechevye akty v argumentirovannykh strukturakh. St. Petersburg, 1994. (in Russ.)

Kant I. Kritika sposobnosti suzhdeniya. In: Kant I. Sochineniya. In 5 vols. Moscow, 1966, vol. 5. (in Russ.)

Laguta O. N. Metaforologiya: teoreticheskie aspekty. Novosibirsk, 2003, pt. 1–2. (in Russ.)

Lakoff G., Johnson M. Metafory, kotorymi my zhivem. In: Yazyk i modelirovanie social'nogo vzaimodejstviya. Moscow, 1987.

Lakoff G., Johnson M. Metafory, kotorymi my zhivem. Moscow, 2004.

Mishankina N. A. Metafora v nauke: paradoks ili norma? Tomsk, 2010. (in Russ.)

Panov M. I., Tyapkin A. A., Shibanov A. S. Anri Puankare i nauka nachala XX veka. In: Poincaré A. O nauke. Moscow, 1983. (in Russ.)

Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. The New Rhetoric. A Treatise on Argumentation. London, 1971.

Poincaré A. O nauke. Moscow, 1983. (in Russ.)

Silantev I. V. Syuzhet i smysl. Moscow, 2018. (in Russ.)

Stepanov Yu. S. Yazyk i metod. K sovremennoj filosofii yazyka. Moscow, 1998. (in Russ.)

Teoriya metafory. Moscow, 1990. (in Russ.)